

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-34-39

В. Я. Звиняцковский¹*Мариупольский государственный университет***«ЗНАЕТЕ ЛИ ВЫ УКРАИНСКУЮ НОЧЬ?»
(УКРАИНА ПУШКИНА И ГОГОЛЯ)***Светлой памяти Валентины Ивановны Мацапуры*

Знаменитые украинские «ноктюрны» в пушкинской поэме «Полтава» и гоголевской повести «Майская ночь, или Утопленница» связаны как вопрос и ответ. На самом же деле Пушкин основательно разбирался в истории Украины и направлял Гоголя на стезю исторической подлинности.

Ключевые слова: Диканька, Кочубей.

V. Ya. Zviniatskovsky*Mariupol State University***“DO YOU KNOW THE UKRAINIAN NIGHT?”
(PUSHKIN’S AND GOGOL’S UKRAINE)**

Famous Ukrainian “nocturnes” in Pushkin’s poem “Poltava” and Gogol’s story “A May Night” are connected as a question and an answer. Though in fact Pushkin possessed solid knowledge of Ukrainian history and forwarded Gogol on creation “true” historic fiction.

Keywords: Dikanka, Kochubei.

Самая знаменитая цитата из повести Н. В. Гоголя «Майская ночь, или Утопленница» (1831) начинается ещё более знаменитым риторическим вопросом и – всё-таки (хоть такой вопрос и не требует ответа) – ответом: «О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в неё».

Я тоже призываю вас всмотреться, но не в украинскую ночь (за неимением её у вас перед глазами), а в обстоятельства и контекст задаваемого вопроса.

В 1831 г., когда вышла в свет первая книжка «Вечеров на хуторе близ Диканьки», у всех на слуху ещё была пушкинская поэма «Полтава», *изданная в 1829 г., и все единодушно восхищались пейзажным отрывком «Тиха украинская ночь...»*². Поэтому читателю оставалось лишь удивиться смелости никому не известного автора, метящего в известно кого, и гадать, кто бы это мог скрываться под псевдонимом «Рудый Панько»: уж не Булгарин ли, «извечный» антагонист Пушкина?

Тридцать лет тому назад в специальной статье о Рудом Паньке, заказанной редакцией московского журнала «Русская речь» [Звиняцковский, 1990], я впервые высказал догадку (принятую комментаторами академического издания, со ссылкой

¹ Владимир Янович Звиняцковский, доктор филологических наук, профессор Мариупольского государственного университета (Украина).

² Здесь и далее курсив наш. – В.З.

на ту самую статью – см.: [Гоголь, 2001, с. 678]) о том, что же это за «особенное обстоятельство», по которому автор поселил своего Пасичника «близь Диканьки» и о котором даже в год смерти писателя ещё не мог прямо сказать его первый биограф. Теперь, кажется, все согласны, что под «особенным обстоятельством» П. А. Кулиш имел в виду В. П. Кочубея. Вот как он пишет: «К маю 1831 г. <...> уже готово было несколько повестей, составляющих первый том “Вечеров на хуторе близь Диканьки”. Не зная, как распорядиться с этими повестями, Гоголь обратился за советом к П. А. Плетнёву. **Г. Плетнёв хотел оградить юношу от влияния литературных партий** <...> Поэтому он присоветовал Гоголю на первый раз строжайшее инкогнито и придумал для его повестей заглавие, которое бы возбудило в публике любопытство. Так появились на свет “Повести, изданные Пасичником Рудым Паньком”, который будто бы жил возле Диканьки, принадлежавшей князю Кочубею» [Кулиш, 1952, с. 201]³.

Вот для того, чтобы показать принадлежность не к пушкинской, а к враждебной ей *литературной партии*, и понадобилось это якобы задиристое якобы нападение на «самого» Пушкина. А что до попытки угодить председателю совета министров, то её раньше Гоголя предпринял сам же Пушкин, заставив читателя-современника вздрогнуть при чтении если не титульного листа (как Гоголь), то первой же строки Первой песни «Полтавы» («Богат и славен Кочубей») и авторского примечания к ней: «*Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов*».

Время летит быстро: в 1829 г. – «графов», а говоря о 1831 г., Кулиш не зря подчеркнул: *князю* Кочубею. Дело в том, что как раз в 1831 г. Кочубей и получил титул князя. И не было в петербургском свете ни более модной, ни более «благонамеренной» темы, нежели богатство новоиспечённого князя (тут очень кстати пришлось и пушкинские слова о его предке), его бюрократические нововведения в Диканьке, его «истинно княжеская» приверженность родовому гнезду.

Зная всё это, мы можем по достоинству оценить совет Плетнёва, которым он надеялся «оградить юношу от влияния литературных партий». Надежда его сбылась, она не могла не сбыться именно потому, что лучшее средство избежать «влияния литературных партий» во все времена состояло в том, чтобы встать хотя бы на время под знамёна партии политической, лучше всего – правящей.

Верность до гроба предка Кочубея Петру I – ещё один важный политический нюанс.

Семейным сходством будь же горд,

Во всём будь пращуру подобен... –

призывал Пушкин Николая I. Во всём – так во всём. Нужно окружить себя верными людьми, да такими, чья верность подтверждена ещё верностью пращуру – пращуров: Кочубеев ли, Ганнибалов ли...

³ Здесь и далее в цитатах **п/ж шрифт** мой. – В.З.

В этом контексте и донос предка Кочубея на гетмана И. С. Мазепу, пускай и мотивированный не столько государственными, сколько семейными обстоятельствами, есть акт патриотический. В предисловии к первому изданию, в последующих изданиях отсутствующем, Пушкин полемизирует с неназванным здесь, казнённым Рылеевым: «Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы <...> История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы...» [Пушкин, т. 3, с. 405].

Героизированная победа русской армии под Полтавой 27 июня 1709 г. – одна из важнейших тем Петриады XVIII – первой четверти XIX веков, грандиозно завершённая пушкинской поэмой. В том же предисловии автор назвал эту битву «одним из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого». По числу убитых она была для начала XVIII в. и в самом деле «выдающейся»: в войске Карла погибло 9234 человека, в войске Петра – 1345. Если же на миг отвлечься от литературы, то справедливости ради следует помянуть установленный и вновь неожиданно актуальный исторический факт: в этой битве победила чума. Многотысячные армии, перемещаясь по всей территории Украины, массово гибли сами и повсеместно разносили инфекцию. В 1709–1711 годах моровое поветрие оставило в Киеве 10-ю часть от прежде жившего там населения. «Пуст город Киев остался», – скорбно констатировал современник. Некоторая вялость и путаность военных действий на протяжении всего дня битвы также объясняется обилием больных и заражённых в обеих армиях. После битвы трупы убитых не закапывали несколько дней. В Полтаве стояло зловоние, вспыхнула эпидемия. Вопреки преданию о личном присутствии Петра I на торжественном молебне в полтавской Спасской церкви (канонизированном до советского времени включительно), царь, возвращаясь из безуспешной погони за Карлом и Мазепой, в город даже не заехал.

Часто доводится слышать, что Пушкин, в Полтаве никогда не бывавший, создавая поэму, имел самые смутные сведения по истории Украины. Последнее неверно и легко опровергается при внимательном чтении. Приведу всего лишь один пример:

Когда с Забелой, с Гамалеем
И с ним... и с этим Кочубеем
Он в бранном пламени скакал. –

Полковники Степан Забела (укр. Забіла), Григорий Гамалея (укр. Гамалія) и генеральный писарь Василий Кочубей **лишь однажды все вместе** участвовали в одном походе с Мазепой. Это был крымский поход князя Голицына 1687 г. Поход этот кончился неудачей: татары зажгли степь (вот почему «в бранном пламени»), и Голицын, не добравшись до Крыма, вынужден был отступить. Вину за неудачу решили свалить на командующего 50-тысячным украинским войском гетмана Самойловича: пошли слухи, что чуть ли не он сам, продавшись татарам, поджёг степь. Воспользовавшись слухами, все эти упомянутые Пушкиным украинские

вожди решили избавиться от Самойловича и написали на него донос (как видим, дело это и тогда было вполне обычным), обвинив гетмана в сепаратизме. Донос скрепил печатью не кто иной, как Кочубей. Самойловича сослали в Сибирь, где он вскоре умер, а на гетманство вначале претендовал популярный в войске Забела, который, в отличие от Мазепы и Гамалеи, игравших в начале 1670-х годов видную роль при правобережном гетмане Дорошенко, не был замечен в сепаратизме. Однако Мазепа «мирно», хотя и не без поддержки Голицына, «договорился» с Забелой и на Коломакской раде 25 июля 1687 г. был избран гетманом.

Пушкин, недаром упоминавший в предисловии эпизод с Самойловичем, видимо, и в данном случае не без умысла дал своему персонажу – Мазепе возможность вспомнить и о неудачном походе, ставшем лично для него крупнейшей жизненной удачей, и о своих соратниках по уничтожению Самойловича.

Так знал ли Пушкин украинскую ночь? Знал ли украинскую историю? А не он ли первым познакомил Гоголя с «Историей Русов»? Не Пушкин ли (он не поехал в Полтаву не потому, что не хотел, а потому что царь не велел) умолял Гоголя хоть на вакациях в родной стране собрать необходимый материал и стать вместо него, поэта, её Вальтером Скоттом? Не он ли, беседуя с Гоголем в Царском Селе летом 1831 г., всячески нацеливал его на большую верность истории, нежели сам он явил в поэме «Полтава»?

Именно повесть «Майская ночь», тогда же и написанная, являет нам ту самую верность, чего опять-таки никто не замечает.

Да, это всего лишь история, рассказанная *парубком* того времени своей *коханой*. Но не просто **рассказанная**, а **сказавшаяся** самым непосредственным образом в судьбе обоих, – что делает эту повесть **переходной** от своего времени к истории и как бы двойной, то есть распадающейся на «Майскую ночь» и «Утопленницу».

«Век девятнадцатый, железный» вот-вот сметёт с лица земли последнюю память об историко-мифологическом времени Козаччины: «Геперешний пан хочет строить на том месте винницу и прислал нарочно для того сюда винокура...» – Появляется винокур и на вопрос головы: «Скоро же вы думаете <...> **поставить** вашу винокурню?» – отвечает: «Когда Бог поможет, то сею осенью может и закурим. На Покрову-то я готов **поставить** Бог знает что...» [Гоголь, 2008, с. 65, 71]. Так всё-таки: винокурню или *«Бог знает что»*?..

На Покрову (Покров – 1 октября ст. ст.) украинское козачество отмечает свой главный праздник; как день украинской армии её празднует и современная Украина. Следовало поспешить именно до Покровы убрать с лица земли последнюю память о Козаччине (хутор сотника), чтоб, как говорится, и духу её не было. А чтоб народ ни о чём не думал, ни о чём не вспоминал и, главное, **ничего не боялся**, его следовало спаивать, то есть ставить побольше винокурен. И если уже на Покрову сотников хутор преобразуют в винокурню, а старый пруд с русалками – в вонючий отстойник, то у Левка и Гали есть последний шанс на счастье, последнее лето чудес.

И вообще, главные герои «Вечеров» – герои последнего шанса. Так, кузнец Вакула из повести «Ночь перед Рождеством» даже не вспомнил о том, что **запорожцы** ехали из Сечи с бумагами к царице (а они **проезжали** Диканьку и **запомнили** кузнеца, подковавшего им коней). Но уже в самом Петербурге он счастливо догоняет их верхом на чёрте. «С **1756 г.** в Петербург почти непрерывно прибывали депутации козаков с ценными подарками вельможам: бочками вина, рыбы, чудными конями, даже верблюдами. Умоляли, показывали копии грамот», какими гарантировались «вольности» [История Украины, 1993, т. 2, с. 135]. Но судя по тому, как описано, о чём говорят украинские депутаты с царицей и о чём на том же приёме у царицы молчит Потёмкин [см.: Звизняцковский, 2008, с. 411, 414], это была уже именно **последняя** депутация **последних** запорожцев перед упразднением Сечи манифестом **1775 года**.

Левко получает последний шанс и пользуется им с тем же блеском и бесстрашием, как некогда, и тоже последним шансом, воспользовался Вакула, заслужив награду у царицы. Утопленница – панночка, дочь козацкого сотника – помогает влюблённым. По её волшебству, Левко пробуждается от чудесного сна, зажав в кулаке записку с почерком полтавского комиссара, приказывающего «сей же час» женить Левка на Гале.

Итак, последний шанс гоголевских героев на счастье каким-то образом связан с использованием разной исторической нечисти «в мирных целях». А уж если называть вещи их собственными именами, то речь, видимо, должна идти об использовании тех, как ни крути, злых сил, что таят в себе *давние годы*. Таит та самая история, которая Украине, по слову Гоголя, *как нарочно* дана непохожей на историю России и которую украинский народ рассказывает *смесь*.

«Вот настоящая весёлость», – хвалит Пушкин **первую** часть «Вечеров» в отзыве на **первое** её издание, еще не зная о повести «Страшная месть», готовящейся для 2-й части. Но уже в рецензии на второе издание обеих книг «Вечеров» автор «Полтавы» не без прохладцы поминает и сборник «Миргород» (1835), где лишь **начало** «Тараса Бульбы» было «**достойно** Вальтер Скотта» [Пушкин, т. 6, с. 97].

Однако же сочетать настоящую карнавальную весёлость ещё возможно с триллером «Страшной мести», но не серьёзностью, государственностью, маршеобразной браваурностью «Полтавы». А вот сочетать Рабле и Вальтера Скотта – дело в принципе невозможное. Уже в попытке к рассказу о весёлых разбойниках прицепить трагический сюжет «Магтео Фальконе» крылась некая искусственность. А взявшись, по старому долгу Пушкину, присовокупить к этому всему патриотический финал, Гоголь окончательно и безнадежно во второй редакции повести испортил первую. Так что даже П. Мериме в своей рецензии на «Тараса Бульбу» сделал вид, что не узнал свой собственный сюжет, и пожимал плечами: как можно до такой степени героизировать **бандитов** [Merimee, 1851, р. 609]. Однако потом в СССР его *les bandits* переводили как *этих людей* [подробнее см.: Мацапура, 2015].

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. Т. 1 / Н. В. Гоголь. – Москва: Наследие, 2001. – 920с.

Гоголь, М. В. Вечори на хуторі біля Диканьки. Миргород / М. В. Гоголь. – Київ: Либідь, 2008. – 488с.

Звняцковский, В. Я. «Пасичник Рудый Панько» / В. Я. Звняцковский // Русская речь. – 1990. – № 1. – С. 133–139.

Звняцковский, В. Я. Примечания / В. Я. Звняцковский // **Гоголь М. В.** Вечори на хуторі біля Диканьки. Миргород. – С. 395–444.

<История Украины> Полонська-Василенко, Н. Історія України: в 2 т. Т. 2 / Н. Полонська-Василенко. – Київ: Либідь, 1993. – 548с.

<Кулиш, П. А.> Несколько черт для биографии Н. В. Гоголя // Отечественные записки. – 1852. – № 1. – С. 190–210.

Мацапура, В. И. П. Мериме как реципиент и интерпретатор творчества Н. Гоголя / В. И. Мацапура // Восточнославянская филология. Литературоведение. – 2015. – № 1 (25). – С. 39–49.

Пушкин, А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / А. С. Пушкин. – Москва: Художественная литература, 1975.

Merimee, P. Nicolas Gogol / P. Merimee // Revue de deux Mondes. – 1851. – № 22. – Pp. 605–615.

REFERENCES:

Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 23 t. T. 1 / M. V. Gogol'. – Moskva: Nasledie, 2001. – 920 s.

Gogol', M. V. Vechory na hutori bil'a Dykan'ky. Myrgorod / M. V. Gogol'. – Kyiv: Lybid', 2008. – 488 s.

<Istoriya Ukrainy> Polonska-Vasylenko, N. Istoriya Ukrainy: v 2 t. T. 2 / N. Polonska-Vasylenko. – Kyiv: Lybid, 1993. – 548 s.

<Kulish, P. A.> Nyeskolko chert dlya biografii N. V. Gogol'a // Otyechestvennie zapiski. – 1852. – № 1. – S. 190–210.

Matsapura, V. I. P. Merimee kak retsipient i interpretator tvorchestva N. Gogol'a / V. I. Matsapura // Vostochnoslavjanskaya filologiya. Literaturovedeniye. – 2015. – № 1 (25). – S. 39–49.

Merimee, P. Nicolas Gogol / P. Merimee // Revue de deux Mondes. – 1851. – № 22. – Ss. 605–615.

Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. / A. S. Pushkin. – Moskva: Hudozhestvennaia literatura, 1975.

Zvinyatskovsky, V. Ya. «Pasichnik Rudyi Pan'ko» / V. Ya. Zvinyatskovsky // Russkaya rech. – 1990. – № 1. – S. 133–139.

Zvinyatskovsky, V. Ya. Primyechania / V. Ya. Zvinyatskovsky // Gogol' M. V. Vechory na hutori bilya Dykan'ky. Myrhorod. – S. 395–444.